

художественными удачами, так и неприятными моментами, — чем-то удивительно привлекательна, но с точки зрения конечных результатов порой не более продуктивна, чем съемка по негласному, намеком, сговору. Вы обнаруживаете заинтересовавший вас объект и открыто нацеливаетесь на него объективом, и, если ваше движение не укрылось от него, взглядом, мимикой спрашиваете позволения. И как минимум в половине случаев — его получаете. Дальше все зависит от вашей задачи и от актерских способностей объекта, его умения сохранять названное Станиславским «публичное одиночество». Понятное дело, что человек, на которого смотрят глазок ли кинокамеры на съемках фильма, зрители ли в зале, фотограф ли, наконец, на улице, — просто по психофизиологическим причинам

«Я превосходно знал, что барышня сниматься любит, камеру чувствует хорошо»

определенную часть своего внимания перемещает на смотрящих, и его поведение когда едва-едва, а когда и резко меняется. Профессиональные актеры умеют отключать эту «лампочку внимания», произвольно ее перемещать в нужное место. Некоторым неактерам это тоже удается, и только очень и очень немногим и впрямь совершенно безразлично, смотрят на них или нет. Так что, скорее всего, в результате этого немного сговора вы получите уже не человека, как он есть, а человека позирующего: но это отнюдь не всегда бывает плохо, а частенько — и очень хорошо. Например,

и барышня, как бы дирижирующая следующим за ней оркестром, и трубач с третьего разворота, и дующий в дудочку человек в зеленом кудрявом парике на развороте пятом (все сняты во время парадов в День Святого Патрика на Новом Арбате разных лет) уже вышли на эти парады с ощущением праздничной публичности и ведут себя перед любым объективом раскованно и адекватно, а девушка даже и гордо. По негласному сговору позировал мне и юный мясник на рынке сицилийского городка Катаньи (последний разворот), и его чуть смущенная, но очевидно довольная улыбка